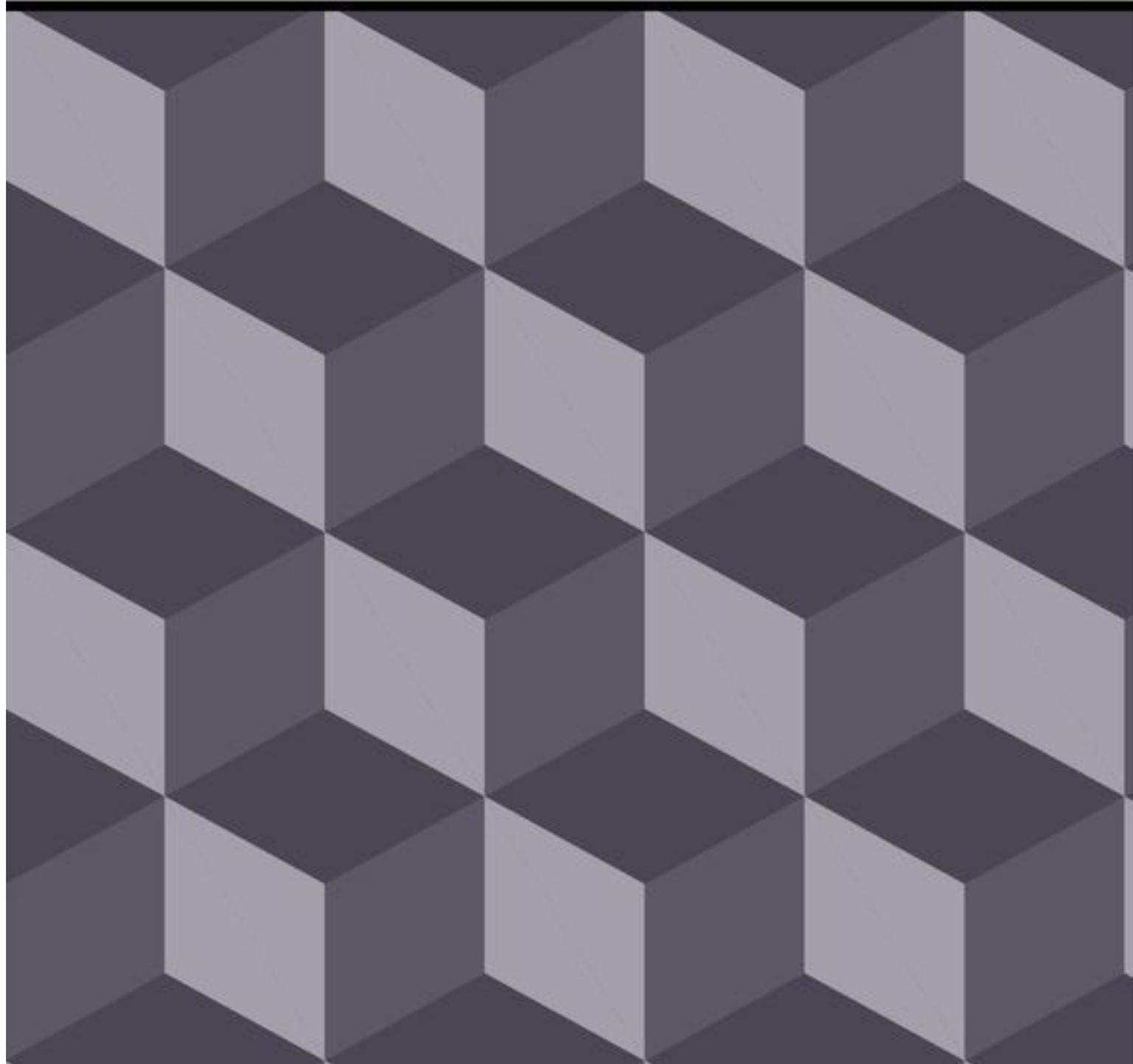

И. М. ДАНИЛОВ

Воспоминания века

Израиль Данилов
Воспоминания века

«Издательские решения»

2015

Данилов И. М.

Воспоминания века / И. М. Данилов — «Издательские решения»,
2015

Почему я решил все-таки начать писать о себе и о нашей жизни с Вале́й, о нашей семье? Наверное, для этого есть две причины: первая — мне самому хочется мысленно пережить прошедшее, вспомнить то, что еще помнится, вторая причина — настойчиво требует писать Ирочка, и я давал много раз обещание, что вот-вот начну этот «труд»...

© Данилов И. М., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Вступление	6
Глава I. 1915—1922 гг. Суражский период	7
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Воспоминания века

Израиль Миронович Данилов

© Израиль Миронович Данилов, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Вступление

Почему я решил все-таки начать писать о себе и о нашей жизни с Вале́й, о нашей семье? Наверное, для этого есть две причины: первая – мне самому хочется мысленно пережить прошедшее, вспомнить то, что еще помнится, вторая причина – настойчиво требует писать Ирочка (А), и я давал много раз обещание, что вот-вот начну этот «труд».

Иногда, когда ночью не спится, я начинаю перебирать в памяти какие-то отрезки жизни, детство или школу, военное время и возвращение в Москву, знакомство с Вале́й, нашу любовь, рождение детей, Марьину Ро́щу, а потом Кастанаевскую, годы летней жизни в Кратово, да мало ли еще что, и вижу, что надо торопиться, потому что многое стирается в памяти, забываются какие-то важные и интересные события, даты. Возможно, поэтому будут некоторые неточности, даже ошибки в датах.

И еще заранее хочу предупредить, что, увы, кто будет потом читать эти строчки, обязательно столкнется... с орфографическими ошибками. Так уж прошли школьные годы, что в школе мы учили больше историю классовой борьбы, чем грамматику. Словом, за ошибки сразу прошу прощения и снисхождения.

И последнее. Неизбежно мне, кажется, будет желание что-то добавить к уже написанному, уточнить, придется делать вставки и т. п. на отдельных листах?

Кажется «вступление» закончено и можно переходить к цели, к записям.

4 января 1999 года

Глава I. 1915—1922 гг. Суражский период

Я родился 3 июня 1914 года в городе Ново-Вилейске (тогда предместье Вильнюса). Моим родителям – отцу Мирон Осиповичу Данилову и матери Софье Израилевне (Луговской в девичестве) было тогда соответственно 30 и 34, а моей сестренке Лене чуть больше 2-х лет. До рождения Леночки была еще одна девочка Рая, которая совсем маленькой умерла от скарлатины.

Только после смерти родителей я начал понимать, что ведь практически ничего о них, об их корнях, ну ничего не знаю. И чувствую себя прямо поганцем. Ну, что мешало мне, хотя бы когда папа жил с нами уже на Кастанаевской, расспросить его обо всем, о прошлом, почему я этого не сделал? Не знаю, но что это очень-очень плохо – согласен.

А знаю только, что и папа и мама происходили из очень бедных еврейских семей, из деревушек в районе Кременчуга (теперешняя Украина). Оба участвовали в революционной борьбе против самодержавия, хотя вроде в партиях не состояли. Мама была белошвейкой, а папа? Да, вспоминаю, что уже в Москве папа мне как-то рассказал, что впервые он был сытно накормлен, когда он шести или семи лет был отдан в приют для бедных, где обучался потом столярному делу. Тогда же он рассказал, что в то время он, играя на улице с детьми, попытался прокатиться на лошадке, ухватившись сзади за коляску, а кучер стегнул его кнутом, да так, что у него вытек правый глаз, и потом всю жизнь он носил затемненные очки, чтобы прикрывать искусственный стеклянный глаз. Абсолютно никаких родственников со стороны отца я никогда не знал, а вот со стороны мамы ее сестер и братьев хорошо помню (о них скажу позднее).

Еще я знаю, что когда мои будущие родители познакомились и полюбили друг друга, оба за свою революционную деятельность (какую?) были осуждены (где, на какой срок?) и были официально записаны мужем и женой прямо в тюрьме.

И так, когда я родился в Ново-Вилейске, мой папа уже служил у местного богатого коммерсанта Цейтлина бухгалтером на бумажной фабрике. Опять таки, как папа, не имевший, как и мама, никакого гимназического образования, достиг этой должности, я не знаю. Далее начинается первая империалистическая война и родители, как и многие другие семьи, боясь остаться на занятой немцами территории, переезжают в маленький городок Сураж (недалеко от Гомеля, с ближайшим городком Клинцы и ближайшей ж/д станцией Унеча).

В Сураже прошли мои первые детские годы – до переезда в Москву осенью 1922 года. Забылось очень многое, но ощущение, что было хорошо, очень хорошо сохранилось навсегда.

Я думаю, что мои воспоминания начинаются примерно с 4-х – 5-ти летнего возраста. Одно из первых – я очень любил лазать на все, что было мне доступно во дворе (деревья, крыши сараев, забор и т. п.), и папа заказал на фабрике высокий гладкий шест, укрепленный на кресте (как рождественская елка), диаметром, удобным для обхвата детскими руками, и высотой под самый потолок детской комнаты. Потолки были высокие, под 3 м. Шест мне нравился, я поднимался на нем вверх, соскальзывал вниз и видимо, то ли шест качнулся, то ли я еще чего-то испугался, но из-за испуга я стал сильно заикаться. Местный доктор ничем не помог, меня возили в Гомель (это абсолютно не помню), там успокоили родителей, велели убрать шест и сказали, что постепенно заикание пройдет, так и получилось, но как скоро не знаю.

Я совсем забыл сказать, что в Сураже мы жили не в самом городе, а на острове, по детским понятиям большом, для взрослого – маленьком. Островок был образован резким изгибом реки Ипуть (на ней же стоит и Гомель). Связь с городом была либо через мост, либо через построенную искусственную плотину. На острове было несколько жилых домов, пожалуй, 5 или 6; бумажная фабрика, принадлежавшая тому же Цейтлину из Ново-Вилейска; мельница и хозяйственные постройки фабрики. После революции власть в Сураже очень мирно и тихо перешла к большевикам, был организован Совет депутатов, а папу назначили директором фабрики. Забегая вперед, скажу еще, что всему населению городка повезло: когда в стране

началась Гражданская война, появились банды типа Махно и Петлюра, эти события обошли городок стороной, власть ни разу не менялась, разбоев, бесчинств и тем более убийств и погромов не было.

В Сураже, вернее, пока мы жили в Сураже, папа ходил всегда в кожаной куртке и в сапогах и носил усы. На работу ездил в коляске или на санях. У него был постоянный кучер Иван Товпека. Это был очень добрый человек, который прекрасно относился к детям и частенько возил нас по маршруту дом – конюшня. Последняя была примерно в 500 метрах от дома, там же был домик кучера. Позднее папа и дядя Давид (один из братьев мамы) говорил мне, что на вопрос: «Изенька, кем ты хочешь стать, когда вырастишь?», я неизменно отвечал: «кучером Иваном». На обед папа приходил или приезжал домой и после обеда обязательно ложился на 30—40 минут спать в своем кабинете.

Наверное, папа был целиком поглощен работой и заботами о материальном положении семьи, которое, видимо, было для того времени (особенно тяжелого после революции, а для многих людей просто голодным) очень не плохим. У нас было две коровы, куры, индюшки, огород на дворе и еще более больший, где сажали кукурузу, на пустыре за фабрикой. Была постоянная прислуга, как потом стали говорить «домработница», молодая женщина Ганка и, наверное, с 1918 года в семью на 5—6 лет вошла также молодая и очень симпатичная и приятная Мария Ивановна – няня. Мне и сейчас жаль, что из-за бомбежки дома на Брюсовском переулке (Москва, 1941 год), вместе со многими вещами погибли и ряд фотографий. На одной из них, и сейчас представляю себе этот снимок, на пне огромного дерева была сфотографирована полусидя Мария Ивановна. Лену и меня она любила, и мы отвечали ей тем же. Но скажу сразу, что в ее обязанности не входило обучение нас различным предметам – чтению, арифметике, рассказывание сказок, игры и т. п. Не задолго до переезда в Москву, Лена начала заниматься с учителем из местной школы. Он приходил домой несколько раз в неделю и после уроков с Леной, оставался у нас на обед. Я же совершенно не помню, чтобы кто-то учил меня читать и писать, частных уроков так же не было. По-моему, папа и мама никогда мне не читали вслух, не рассказывали сказок, не учили стихам, не играли в детские игры. Разве что летом мы с Марией Ивановной ходили на речку купаться. Наверное, по воскресеньям с нами был и папа, и удивлял всех нас, как здорово он мог плавать саженками. А я почему-то так и не научился плавать хоть бы на «3», а ведь речка была рядом.

Да, так вот для меня полная загадка – когда и с чьей помощью я научился читать, а позднее и писать. Валя, например, и сейчас вспоминает о сказках, что читала ей мама, о стихах Плещеева, Майкова, Пушкина, которые совсем маленькая учила вместе с мамой и которые помнит до сих пор.

А что я помню о своих первых книгах?

У нас дома был детский стул, который мог раскладываться и превращаться в низкий стульчик с маленьким столиком впереди или складываться и становиться уже высотой, пожалуй, немного выше обычного стула. По-моему, без заметных изменений такие стульчики были и у наших детей и внуков.

Так вот, я отлично помню, как я очень удобно (значит я еще маленький) сижу на собранном высоком стуле, а на столике перед собой держу книжку и читаю. Читаю, но не вслух, без всякого принуждения или напоминания со стороны взрослых. Мне это интересно. И память сохранила самые первые и любимые книги, которые я помногу раз перечитывал. Самая первая – небольшая книжка с крупным шрифтом и черно-белыми картинками, рассказы о животных для детей. Тогда я узнал, что есть волки, медведи, тигры и львы, обезьяны. (Лет 10—15 тому назад в одном из домов отдыха, где мы были с Вале́й, в каком-то библиотечном литературном журнале, мне попались воспоминания Нагибина о детстве и там он тоже рассказывает об этой книге). Вторая книга была особенно любимой. Большая, толстая книга с картинками. Начало такое – двое детей 10—12 лет братья Франц и Ганс со своим воспитателем,

ученым-натуралистом и охотником Рудольфом, на яхте своего богатого папаши из Германии отправляются к берегам Африки. Там дети и Рудольф, вооруженные ружьями, сходят на берег, а яхта с командой и капитаном следует в условленный порт за несколько сот миль. Путешествие пешком через тропические леса, опасности от встреч с дикарями, дикими зверями и т. п., это было необыкновенно интересно. Книга называлась «Корабль натуралистов». Больше никогда нигде я уже не видел эту книгу. А из всей книги я помню и теперь, только одно событие. Путники идут лесом и вдруг мимо них начинают мчаться антилопы, по деревьям прыгают обезьяны, пробегает, чуть не задавив их, стадо слонов. Словом, паника в животном мире. Оказывается, идет переселение огромной армии термитов, которая поедает на своем пути и растения и все живое. Спасти людям удалось лишь чудом.

Наверное, любовь к чтению сыграла большую роль и дальше. Позволила стать, как мне кажется, достаточно культурным человеком, не опуститься до простого рабочего парня, думающего больше о пиве или водке, или игре в карты и домино, позволило получить хорошее образование, хотя жизненные условия в 30-е – 40-е годы были очень сложные и тяжелые, и всякое могло произойти.

Будучи еще в Сураже, значит до 8 лет, я прочитал «Тома Сойера», «Робинзона Крузо», рассказы Гоголя, такие как «Страшная месть», «Вий», «Майская ночь или утопленница», некоторые поэмы Пушкина, стихи Чуковского и многие другие книги. Но твердо знаю, что никто меня не заставлял читать, не руководил выбором писателей и произведений. Вот сказки, почему-то, прошли совершенно мимо меня, почему? То ли их не было в доме? Со сказками я познакомился, уже читая их для своих девочек и особенно для внучек.

Когда мне было лет 6 или 7, взрослые, предложили нам, детям, устроить маленький праздник. Кто с чем выступал – все забыл, а вот свое выступление помню. Я учил наизусть полностью всего «Крокодила», наверное, это было долго и нудно, но прочитал без запинки от начала «Жил да был Крокодил, он по улицам ходил...» и до конца, до «бедной Лялечки». После наших выступлений, дядя Давид подарил нам несколько живых кроликов и клетку.

Были ли у нас какие-то праздники, например, дни рождения, Новый год или Рождество, новые революционные праздники – не могу сказать, не помню. Скорее всего, что кроме Нового года, ничего не отмечалось, хотя как-то маловероятно, что не отмечали дни рождения. А ведь если бы их отмечали, то, наверняка, отложились бы в памяти какие-то подарки, но ничего такого я не помню.

То, что Новый год у нас встречали, я могу предположить по двум запомнившимся обстоятельствам.

Во-первых, мама, Ганна и я на телеге отправляемся по деревням (я очень любил такие поездки), и мама покупает там несколько живых гусей. Дома их откармливают, как следует, но потом на дворе их больше не видно. Наверняка, гуси шли как блюдо на Новый год (Рождество и у нас, и в стране не справлялось, а елки в доме, пока я жил с родителями в Сураже и в Москве, никогда не было).

И, во-вторых, в доме у нас появляется откуда-то мороженое. В маленький бочонок наливалось что-то жидкое, молочное, этот бочонок был вставлен в больший, между стенками закладывался лед и нам, детям, разрешали крутить торчащую вертикально ручку. Происходило охлаждение и взбивание молочно-сливочной массы, и постепенно получалось мороженое.

Что все это, но очень редко, было, я помню, а вот вкуса самого мороженого почему-то не запомнилось.

Но если уж говорить о том, что мы ели дома, то обычно утром, иногда в постели, нам с Леной, мама или Мария Ивановна, приносили по чашечке вкуснейшего какао, а Лене, почему-то, еще давали кусочек шпика. Кофе в доме не было, но для взрослых сушили в русской печи желуди, размельченные, они заменяли кофе. Масло, творог, молоко, мясо, овощи и прочее все это было в достатке. Особенно «пировали» мы с Леной, когда рождались от наших

коров телята. Их не выращивали, а еще маленькими закалывали и в больших противнях запекали кусками. Мы могли есть телятину, сколько хотелось и сколько в нас влезало. Еще мама часто раскатывала тесто, круглым стаканом нарезала кружочки, посыпала маком и пекла печенье. Конечно, были еще всякие разности, но совершенно забываемы были «картофлянки» – оладьи из тертой картошки с мукой, яйцом и содой. Это было наше самое любимое блюдо, а чтобы съесть больше, мы под конец запивали все холодной водой. Когда-то мама мне сказала, что мы с Леной поссорились из-за оладий, и я будто бы ударил Лену вилкой. Может быть, так и было?

Конфет и других сладостей, пока мы жили в Сураже, совсем не было. Лишь однажды, папа был в командировке в Харькове, и привез оттуда огромный кусок какой-то белой, твердой и необыкновенно вкусной штуки вроде халвы. Ее рубили сначала секачом, а потом кухонным ножом и давали понемногу нам.

Теперь я понимаю, что изложить плавно, по годам, свое детство я не смогу, слишком многое забыто, поэтому продолжаю писать только отдельные эпизоды и события, что еще помнится спустя чуть ли не 80 лет.

Надо сказать, что Сураж 20-х годов был городком, где преобладали частные одноэтажные домики, а дворики представляли собой, как правило, фруктовый сад, иногда довольно большого размера. Яблок и груш разных сортов летних, зимних, сладких и с кислинкой на рынке продавалось в огромном количестве. Их мама закупала с осени, хранились они в огромных ларях в холодной кладовке, нам разрешали есть их в любом количестве и в любое время.

Остается только добавить, что еще было много кукурузы, выращенной на своем огороде. Вареная кукуруза, посыпанная солью, была после картофлянок вторым любимым лакомством. И, наверное, такое питание заложило нам с Леной здоровье на всю дальнейшую жизнь.

Насколько я теперь понимаю, наша семья была по своему достатку очень и очень нетипична для голодных послереволюционных лет.

Возвращаясь к более раннему детству. Сам я не помню, но мама когда-то рассказывала мне, что однажды я был близок к большой беде. В доме к зиме окна закрывали вторыми рамами, а для того, чтобы стекла меньше замерзали, между рамами ставили рюмочки с уксусной эссенцией. Однажды, когда весной зимние рамы стали вынимать, что-то не доглядели, и я схватил одну рюмочку и выпил жидкость. Была суматоха, паника, привезли врача, все могло кончиться самым печальным для меня образом, но оказалось, что за зимние месяцы эссенция сильно выветрилась. И кончилось тем, что у меня с языка только сошла кожа, и немного было обожжено горло.

А второе посещение врача я помню сам. Я бегал в столовой, забежал под обеденный стол и сильно ударился о ножку стола, рассек бровь и щеку около глаза до крови, на щеку доктор наложил шов. От испуга и боли порядочно ревел.

Так же помню еще одно посещение врача, мне 4 или 5 лет, качается зуб, но держится, кушать трудно. Мама ведет меня в город и врач зуб легко выдергивает. Возвращаемся домой и, дойдя до церкви и спуска на плотину, т. е. уже близко от дома, я поднимаю отчаянный рев. Мама с трудом добивается от меня объяснения, и я вынужден сознаться, что «не знаю, как, но наложил полные штанишки». Кое-как добираемся до дома. Быстро греют воду, наливают в большой таз и меня сажают туда. Я успокаиваюсь, а мама обещает ни Лене, никому из детей об этом происшествии не рассказывать.

Когда я стал уже читать, может быть в возрасте 6-ти или 7-ми лет, обнаружилось, что я правым косящим глазом почти ничего не вижу. Родители всполошились, и вот мы, может быть на лошадях, может быть через Унечу поездом, отправляемся в Гомель к окулисту.

В Гомеле живет семья наших друзей Маршовых – девочки Берга, Фаня и Клара, и их мама тетя Лиза. Отец уже умер. В конце 50-х годов, когда я работал в судостроительном КБ и часто бывал в Ленинграде в командировках, я снова несколько раз встретился с ними. Запомнилось

только, что младшая из сестер Клара окончила консерваторию и скрипачкой работала в большом симфоническом оркестре.

В Гомеле мы были несколько дней. Врач велел купить лупу и каждый день какое-то время читать с помощью лупы, закрыв здоровый левый глаз. Однако, это ничего не дало, несколько месяцев, наверное, под наблюдение Марьи Ивановны, я пытался так читать, но лучше не стало, так я и дожил до преклонных лет, пользуясь, фактически, только одним глазом.

Зато эта поездка в Гомель закончилась для меня получением двух подарков, каждый из которых запомнился на всю жизнь. Мы шли по какой-то городской улице, и в витрине магазина я увидел игрушки. Зашли в магазин, и я упробил папу купить мне большую деревянную коробку с какими-то вращающимися фигурками людей и настоящее, но, детское по размерам, ружье (почему-то оно называлось «Монте-Кристо»). Никогда дальше, ни у кого из детей, я не видел подобной игры и подобного ружья. Игру я потому хорошо помню, что ее привезли в Москву, и мы с товарищами часто играли в эту «Фортуну акробатов». Верхняя крышка коробки ставилась в вертикальное положение, в воронку кидался металлический шарик, который передавался из чашечки в чашечку поворачивающимися на своих осях, раскрашенными в яркие цвета, фигурками – цирковыми акробатами и клоунами, затем шарик падал на горизонтальную арену с нарисованными слонами, тиграми, львами и различными препятствиями в виде колышков, и попадал в одну из многих луночек, где и останавливался. Каждая лунка имела свой номер, после нескольких ходов-бросков шарика сверху, подсчитывалась сумма чисел. Играть могли несколько человек, ходя по очереди. Выигрывал тот, у кого была большая сумма цифр.

А когда мы вернулись из Гомеля домой, ружье стало моей самой любимой игрушкой. Особенно мне нравилось разбирать и собирать затвор, прочищать шомполом дуло, прицеливаться, играя в индейцев. Интересная судьба у этого ружья. Патронов к нему, естественно, никогда не покупали и в Москве, в конце концов, его куда-то запихнули на антресоли. Но, мой старший двоюродный брат как-то увидел его, и попросил дать временно ему, чтобы он подбрал патроны, и на даче он бы мог меня поучить стрелять. А через несколько месяцев, брат передал «Монте Кристо» своему товарищу, тоже на время, уже с патронами. Товарища арестовали как троцкиста, и ружье осталось где-то в недрах НКВД навсегда. Ни одного выстрела из него я так и не сделал.

Теперь хочу вспомнить всех своих друзей-товарищей, ведь большая часть детства – это общение, игры, одному скучно даже с книгами, а у Лены были свои интересы.

Мы жили в очень большом деревянном одноэтажном доме, который был предоставлен папе фабрикой, занимая его большую часть. (см. приложение) До сих пор, спустя такое количество лет, хорошо помню многие детали. Сначала надо было подняться по ступенькам на крыльцо, ступенек много, крыльцо высокое, потому что часто, во время весенних разливов Ипути, вся местность покрывалась водой, папу на работу и с работы возили на лодке.

Левая часть крыльца, до самой крыши, была огорожена деревянной решеткой, по которой летом вился далеко вверх дикий виноград (по этой же решетке, не смотря на запреты, я и мои главные товарищи Тамара и Лася, о которых чуть позже, влезали на крышу и проводили там, на солнышке, много времени). С крыльца попадали в большую летнюю застекленную террасу, летом обедали всегда там, дальше шла большая прихожая, из которой направо шла дверь в очень большую столовую, а прямо дверь – в комнаты, которые сообщались между собой, это были спальня родителей, наша с Леной детская комната и папин кабинет, в котором он спал после обеда, читал газеты и работал иногда с деловыми бумагами.

В столовую выходила русская печь, далее из столовой шел проход в кухню, со своей дровяной плитой и шел длинный коридор, в конце которого был выход во двор. Коридор не отапливался, там были кладовки и зимний туалет. Водопровода и канализации не было, воду дер-

жали в ведрах и бочках. Своего колодца не было, работала водовозка – фабричная лошадка с большой бочкой.

Большой двор был огорожен глухим забором. На дворе располагался ледник – высокий домик с глухими бревенчатыми стенами, через чердак он зимой набивался льдом, сверху покрывался толстым слоем соломы. В таком холодильнике хранили продукты, а залезали наверх по приставной лестнице. Эта солома под крышей была тоже нашим излюбленным местом для игр.

Далее, во дворе, находился большой погреб с дверью на висящем замке, какие-то сарай и летний туалет. Из двора, около погреба, мы через дырку в заборе могли попасть самым коротким путем на луг. Луг нас привлекал своими песчаными ямами и небольшими рвами (теперь я думаю, что это следствие наводнений-разливов реки), самое хорошее место для игры в прятки или казаки-разбойники.

В другой половине дома жил главный инженер фабрики Юлий Григорьевич Пальчик, с дочкой Тamarой, моей однолеткой и сестрой, умершей ранее жены. Семья занимала большую комнату-столовую, маленький кабинет-спальню Юлия Григорьевича, комнату, где спала опекавшая Тамару тетя, и еще маленькую комнату, куда нам разрешали входить очень редко, там все сохранилось, как было при жизни Тамариной мамы, еще была кухня. Вход в дом был через огромную, открытую по бокам, террасу, выходящую к примыкающему к дому садику. Садик был отдан в наше полное распоряжение, летом мы должны были подметать его дорожки, осенью сгребать в кучи листья и поджигать их. Вдоль некоторых дорожек росли маргаритки и кусты флоксов, но ухаживал ли кто-нибудь за цветами, я не помню. От улицы садик был огорожен высоким забором из штакетника. Когда вечером по улице летом пастухи гнали с пастбища в город коров, мы дети, если были в этот час в саду, обязательно влезали на забор, нас, почему-то, вид мычащих коров с быком впереди очень интересовал. Кроме того, мы уже знали, что одна из коров часто идет в сопровождении своей старушки-хозяйки, и мы дружно кричали ей с забора: «Барыня, продай корову», хотя старушка на наши крики не обращала никакого внимания. С этим же стадом возвращались и наши две коровы.

Когда мы переехали в Москву, чуть позже в Москву переехали и Пальчики. Несколько раз я был у них дома где-то на Якиманке, и Тамара с отцом бывала у нас на Брюсовском, но наша дружба, почему-то, быстро оборвалась, и никогда и ничего я дальше о семье Пальчик не знал и не слышал.

Второй мой главный детский друг и по Суражу, по ряду лет в Москве – Лася Роднянский. Он был единственный сын лучших друзей моих родителей Марка Борисовича и Эсфирь Лазаревны и на несколько месяцев, или около года, моложе меня. Марк Борисович, так же, как и почти все суражане, работал на фабрике, кем не помню. Жили они в самом центре города, их дом, где они занимали две комнаты, был расположен на базарной площади и выходил окнами на площадь. Мы с мамой часто бывали на базаре, и мама там покупала мясо. Вместе с Роднянскими в доме жили старики-родители Марка Борисовича и Эсфирь Лазаревны и незамужняя младшая сестра Эсфирь Лазаревны, которую звали Гита. (Опять отступление – когда примерно в 1927 году у нас вывозили из квартиры всю мебель, оставив один сундук и 2—3 табуретки на кухне – об этом позднее – мы несколько дней с мамой жили в комнате Гиты, а она переехала к подруге).

Рядом с нашим домом, ближе к реке, располагался еще один достаточно просторный, но какой-то приземистый дом, часть которого занимала Эмма Яковлевна Лазарева с двумя мальчиками: Мишей, что был старше меня года на 4 или 5 и Лелей. Леля был, видимо, одного возраста с Леной. Муж Эммы Яковлевны был когда-то кассиром на фабрике, но в то время, что я хорошо помню себя, в живых его не было. Миша в наших играх почти никогда не принимал участия, а Леля больше тяготел к дружбе с Леной, для него мы были маленькими.

Ближе к мельнице стоял небольшой белый домик (как украинские мазанки), занимаемый главным механиком фабрики Ваксманом. Единственная его дочка Сара часто приходила к нам с Тamarой в гости, но, почему-то, мы ее не очень жаловали и не стремились теснее привлечь в нашу компанию.

Мне вполне было хорошо проводить время с Тamarой и Ласей или с кем-то одним из них.

Ближе к 30-м годам, нет, вернее к концу 20-х годов, Миша Лазарев появился в Москве, он учился то ли в техникуме, то ли в институте. Бывал у нас на Брюсовском в гостях, но дальше все связи с ними оборвались.

Была в Сураже еще одна знакомая семья Кранфусов с двумя мальчиками: Севой, примерно на год старше меня, и Ромой, на 3 года старше меня. Их дом стоял на окраине города, мама смотрела за детьми и вела домашнее хозяйство, папа был, наверное, состоятельным человеком – торговал мукой. Когда мы с Ласей и нашими мамами провели лето 1929 года в Сураже (об этом я расскажу позже), мы ходили к Кранфусам в гости. К сожалению их семью постигло обычное для многих горе, отец был куда-то выслан, дети в поисках своего будущего, тоже покинули Сураж, оставив там только мать.

В заключение надо поведать еще об одной, очень близкой моим родителям, а позднее и нам с Валею, семье – о Рашкесах.

Глава семьи Минна Яковлевна или как мы с Валею ее потом звали тетя Минна, была приятная и приветливая женщина, рано потерявшая мужа, умершего от туберкулеза, оставшаяся с тремя детьми: старшая дочь красавица Люба, вторая дочь Надя и младший сын Фима. На что, т. е. на какие заработки жила эта семья в Сураже, я, конечно, не знал. А когда стал старше, и очень о многом мог узнать от мамы и папы, пока они были живы, увя, не интересовался этим. Как я жалею сейчас об этом, как корю себя за такое равнодушие к близким мне людям! Но, вероятно, способствовало этому во многом все наше советское прошлое, наше воспитание и государственно-партийная идеология, которая учила нас, что прошлое – это и есть только прошлое, а ваша жизнь, ваши цели и устремления – светлое будущее, к которому идет вся страна.

Мне кажется, что Люба работала на фабрике кем-то в фабричном управлении, а Фима, который был красивым и сильным мальчиком, к концу нашего проживания в Сураже, работал в кузнице тоже на фабрике.

Рашкесы часто бывали у нас, а мы ходили к ним. И у них был свой маленький домик в центре города с садом, покрытым зеленой травой, в конце которого стоял дом. По приезду в Сураж в 1929 году, хотя Рашкесы вслед за нами в 1922 году переехали в Ленинград, я все же попытался найти их дом, хотел проверить свои детские воспоминания, но так и не нашел его.

Почему у нас с Валею много лет продолжались самые теплые, дружеские отношения с Рашкесами, я скажу, когда буду писать о послевоенной нашей работе и семейной жизни.

Прежде чем вернуться к нашим детским делам, хочу, вернее надо, поведать еще о тех, кто имел определенное отношение ко мне в Сураже, с кем из них жизнь сводила и дальше в Москве.

Я уже упомянул о младшем брате мамы дяде Давиде. Будучи юношей, когда началась первая империалистическая война с кайзеровской Германией, дядя, как и многие другие из патристически настроенной молодежи, записался добровольцем в армию и был после короткого обучения направлен на фронт, где вскоре попал в плен. Вот и здесь моя невнимательность к жизни родных привела к тому, что я совершенно не представляю как это случилось, где он был в плену, в каких условиях и т. п.

Наверное, в 1917 году, еще до падения царя Николая Второго, до окончания войны с Германией, дяде Давиду удалось бежать из плена и добраться до нас в Сураже. Для меня не было большего удовольствия, как рано утром, не одеваясь, бежать в столовую, где была постель дяди, забираться к нему и слушать много-много раз историю его побега. Мне это казалось интерес-

нее любых книг или каких-то других рассказов. Причем дядя, спустя много лет, вспоминая об этом, смеясь, говорил, что если он хоть чуть-чуть что-то изменял в своем рассказе, то я обиженно говорил ему: «Зачем ты не так рассказываешь?».

Еще когда я был совсем маленький, к маме, спасаясь от голода, приехала из Кременчуга одна из двух старших сестер тетя Маша. Для меня она казалась совсем старенькой, никаких других впечатлений у меня не осталось. А мама потом любила всем рассказывать, что Маша, как праведная еврейка в жизни не ела свинины. Мои же родители были абсолютно не религиозны, никаких еврейских обрядов не соблюдали, в доме всегда говорили только на русском. Лишь если надо было маме с папой поговорить так, чтобы я с Леной их не поняли, они могли перейти на еврейский жаргон. (это далеко не тот язык, на котором говорят образованные евреи или в Израиле). Поэтому на обед у нас могла быть и свинина, и тетя Маша каждый раз хвалила маму и говорила, какое вкусное мясо мама умеет выбрать на базаре. («А гешмакте биткес» – в переводе «А какие вкусные битки (котлеты)», – говорила тетя Маша).

Прожила она у нас, наверное, год или полтора, что было дальше – не знаю. Примерно в 1918 году или 1919 году, после смерти жены, и также спасаясь от голода, к нам в Сураж приехали из Мариуполя старший мамин брат дядя Моисей Луговской с тремя сыновьями – Изей, Сеней и Осей. Младшему Осе было тогда 8—9 лет, а Сене и Изе может быть 10 и 12 соответственно. Еще позднее к нам приехал старший сын дяди Моисея – Абраша (в последствии он изменил имя на Михаил). Миша был самым красивым и умным из братьев, да еще он был настоящим матросом, служил на Балфлоте, сильный высокий парень. Постепенно все, кроме младшего Оси, были устроены работать на фабрику.

Дядя Моисей привез с собой большой мешок Мариупольской таранки и необыкновенно вкусной копченой рыбы, которая звалась «рыбец», это забыть было невозможно, и какое-то время эта рыба была для меня и для Лены лучшим лакомством.

Ося был нам с Леной очень близок, мы с ним особенно сдружились. Приведу два эпизода, связанные с ним:

Часть бумаги, выпускаемой на фабрике, изготовлялась из бумажной макулатуры. Мимо нашего садика частенько проходили обозы, с телегами груженными макулатурой, и хотя на отсутствие книг в доме нельзя было жаловаться, мне с Тamarой, Лене с Лелей и Осе очень нравилось копаться в старых газетах, журналах, книжках на фабричном дворе. Мы находили там такие интересные книги с картинками, цветными рисунками, а то, что они старые или порванные, нас не трогало. Около склада обычно стояли подводы или сани, запряженные лошадьми. Лошадей мы не боялись и проходили около них, а если они мешали входу в склад, могли и пролезть у них под брюхом или под головой. В одном из таких походов я шел первым, за мной Ося, и какая-то лошадь вдруг схватила меня сзади за свитер на шее зубами. Я не успел даже испугаться, боли тоже особой не было, а Ося схватил меня за свитер и оттащил от лошади. До этого случая родители не поощряли наши походы за книгами, боялись, что мы можем подхватить какую-нибудь заразу, а узнав, что со мной случилось, категорически запретили нам ходить на склад. Этот запрет мы не нарушали.

Среди обрывков книг я прочел как-то два рассказа, первый о зверьке и змеях. Змеи хотели убить людей, а зверек их спас. А второй о том, почему у слоненка появился хобот, его крокодил тянул за нос. Это было так интересно, что я запомнил эти два рассказа. А в Москве, уже будучи школьником, читая Киплинга, нашел рассказ «Рики-тики-тави» и сказку «Как у слоненка вырос хобот» и вспомнил, что читал их будучи маленьким в Сураже.

Второй эпизод, связанный с Осей – велосипед. Незадолго до отъезда в Москву Лене подарили настоящий женский велосипед. Лена и Ося быстро научились кататься и по очереди ездили в садике, в парке, по лугу, но всегда около дома. Осе показалось, что так уже кататься скучно, и он выехал на улицу и поехал по направлению к мельнице. Ехавшие навстречу лошади, что везли что-то на фабрику, никогда такого «зверя», как человека на велосипеде, не видели,

испугались, начали биться в упряжке, какие-то повозки перевернулись. Ося тоже испугался, упал, очень сильно разбился, а велосипед починил потом вызванный папой фабричный умелец.

Вообще я не помню, чтобы в Сураже я видел у кого-то велосипед, а автомобиль мы видели всего два раза – власти губернские приезжали на фабрику.

Хочу вспомнить о самом для нас интересном, о наших детских играх. Сначала о зимних.

Зимой, конечно, у нас развлечений было куда меньше, чем летом. Коньков или лыж не было ни у нас, ни у других наших друзей. Остались в памяти прогулки пешком по замерзшей Ипути на маленькие островки, по заливчикам. Все было так красиво и всегда все казалось чем-то новым, неизвестным. Обычно ходили Лена, Леля и я с Тamarой. Летом взрослые изредка брали лодки и катались по реке, высаживая нас на островках. Мы всегда были рады таким прогулкам, но зимой эти же места казались нам совсем иными, новыми и более красивыми.

Но чаще всего в хорошую погоду Лена с Лелей, как старшие, брали санки, я с Тamarой или Ласей шли за ними. Катание проходило на длинном и достаточно крутом спуске около плотины. Санки были шикарные, железные, но легкие, полозья отличные, и сделаны наподобие взрослых саней, но не деревенских, а городских. На передней скамеечке (для кучера у взрослых) садились младшие, на задней – Лена с Лелей. Мчались с горки быстро, далеко, выезжая на самую речку. Домой возвращались только когда замерзали или хотели есть.

Но однажды, мне очень не повезло, сани налетели на водовозку, что шла поперек спуска на плотину, и при этом столкновении я сильно ушиб руку о деревянную бочку с водой. Как-то добрались домой, потом доктор назначил компрессы с холодной водой и еще что-то. В ту зиму мне пришлось отказаться от санок.

Пожалуй, о зиме больше ничего не вспомню. Другое дело лето.

Наша троица – Тамара, Лася и я – могла часами бродить по лугу за домом, открывая что-то неизвестное, то собирая там желуди (на плане я даже показал одинокий огромный дуб IX при входе на луг), то какие-то палки для копий или луков, или красивые камешки, ловили в лужах после дождя лягушек, бегали, да нам все было интересно и весело. Бегали мы и по фабричному парку, и там нам было чем заняться, прятаться на сцене, в зарослях ельника на берегу реки, или бегая вперегонки по дорожкам. И луг, и фабричный парк нам казались огромными, мы всегда находили там что-то новое для игр. На плане, на ближайшем к дому углу парка, я показал под номером X дерево-крепость. Это было высокое, с большими частыми и раскидистыми ветками старое дерево, не то верба, не то каштан, не помню, и, главное, ветки начинались около самой земли. Влезать на дерево на самый верх было так удобно. Потом на некоторые ветки мы наложили доски, чтобы было удобно сидеть, можно было даже лечь. Часами мы сидели на дереве, воображая себя в крепости или прячась от «врагов» или грызя семечки. Семечки подсолнуха нам приносил Лася. Были у нас и белые семечки от тыкв со своего огорода. Я и сейчас мысленно вижу, как в хороший осенний день на крыше одного из сараев во дворе лежат и сохнут огромные желтые и желто-зеленые тыквы. Что с тыквами делали кроме извлечения семечек, я не знаю, может быть шли на корм коровам, может и на кухню.

Еще одно любимое место – крыша дома. Залезали туда по решетке для дикого винограда. (см. план, крыльцо 1 и решетка 2), что вызывало большое беспокойство взрослых, т. к. решетка была старая деревянная и иногда отдельные ее звенья ломались даже от нашего маленького веса. Окончательно нам запретили лазать на крышу после того, как мы с Тamarой затащили туда пришедших в гости Рому и Севу Кранфусов. Сева решил обследовать чердачное окно, оттуда вылетело несколько ос и так искусали его, что он чуть не упал с крыши. Руки и лицо у него распухли и болели, гости срочно отправились домой.

А на ледник мы любили забираться потому, что там было уединенно и уютно. Можно было придумывать какие-то истории. Мы разгребали солому, добирались до льда и сосали холодные отломленные кусочки, в жару это казалось нам вкусным и приятным.

На большой ровной площадке земли перед домом Лазаревых – Луговских (на плане прямоугольник III) было излюбленное место для игры в склеп (в Москве это называлось «Чижик»), в «классы» и, главное, в крокет. В крокет с нами играли иногда и более взрослые дети и даже взрослые. Еще играли часто в серсо. Больших мячей для футбола или волейбола не было, да мы не видели и не знали, что есть такие игры. Никто не знал и про городки.

Вероятно, наши дети, и уж внуки и правнуки наверняка не знают игру в серсо, а тем более в крокет.

Для игры в серсо имелись деревянные, легкие, красиво окрашенные колечки, диаметром, пожалуй, порядка 25—30 см, и палочки длиной 50—70 см с поперечной палочкой на одном из концов, который брался в руку, а поперечина ограничивала расположение колечка, одеваемого на палочку. Играющие становились на некотором расстоянии друг от друга, и взмахом руки с кольцом на палочке надо было это кольцо правильно послать в сторону другого играющего, а тот своей пустой палочкой поймать летящее колечко. Кто больше поймает колец, тот и выигрывает.

Для игры в крокет имелся покупной набор деревянных полированных и раскрашенных молотков, крепких проволочных дужек. Собственно, молоток был цилиндрическим, диаметром, наверное, 8—10 см, длиной 18—20 см и круглой тонкой ручкой длиной что-то порядка метра. Его нужно было держать двумя руками в вертикальном положении перпендикулярно земле. Дужки П—образные, высотой 25 см и шириной 20 см.

Для игры очерчивалась определенных размеров площадка, обязательно очень ровная, чтобы шары сами не катились и не перемещались по ней. На нужном расстоянии размещались дужки, которые частично забивались в землю, играющие разбивались на команды, ходили по очереди. По определенным правилам надо было пройти постепенно, т. е. провести свой шар, ударяя в него молотком, через все дужки и закончить ударом о фок, который тоже был вбит в землю.

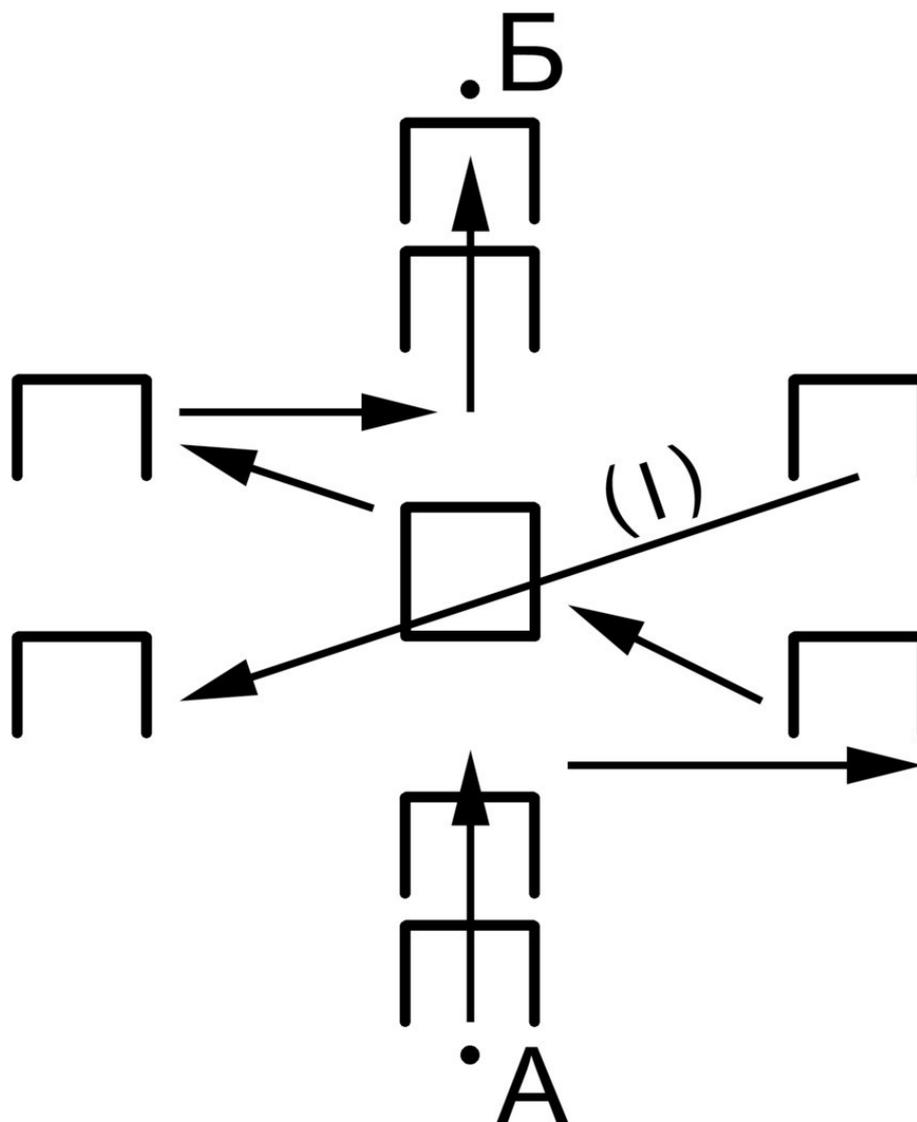

Схема площадки для игры в крокет

Так, доведя свой шар от фока А до фока Б, и пройдя через дужки-ворота и трудную, поставленную в центре «мышеловку» из 2-х перекрещивающихся ворот, надо было вернуться обратно, частично через те же дужки, но уже по другому краю площадки по стрелке (1). Ход – это удар по шару.

Иногда, чтобы занять правильную позицию перед нужными воротами, приходилось использовать несколько ходов-ударов, также можно было бить по шару противника и ударом от этого столкновения согнать его шар с выгодной позиции и тем самым помешать пройти очередные ворота, словом в игре было много правил, тонкостей и вариантов действий. Я пишу так подробно о крокете потому, чтобы показать, насколько сильно игра врезалась в детскую память. После Суража мы нигде больше крокета не видели, ни летом, когда жили на дачах, ни уже в послевоенные годы в домах отдыха или пансионатах.

Ну, а «склёп» или «чижик» – игра простейшая, хотя оказалось, что наши правнуки Ваня и Саша ее не знают. Для игры нужна только удобная палка и сам «склёп» – с двух сторон заостренный кусок ветки, длиной сантиметров 20 и диаметром 2—3 см. Палкой ударяют по кончику лежащего на земле «склёпа», он подлетает вверх и надо суметь вторично ударить по нему палкой, чтобы отбить как можно дальше. По определенным правилам, одни игроки отбивают «склёп» от начального, очерченного на земле квадрата, а тот, кто ведет, должен с места падения «склёпа» кинуть его и попасть в квадрат.

Наверное, за год или два до отъезда из Суража, мы много времени проводили в нашем садике. Старшие дети построили из досок, жердей и веток шалаш, что-то было настелено на землю. Все забирались в шалаш и дружно пели революционные песни. Откуда мы их узнавали, слова и мотив? Радио не было, от взрослых? Но пели долго, с упоением, не важно есть ли голос или слух. Главное – нам нравилось. Вот некоторые отрывки из песен:

Бедняк и рабочий
Вставай, поднимайся.
Бросай свое дело
В поход собирайся.
Смело мы в бой пойдем
За власть Советов
И как один умрем
В борьбе за это.

Еще одна любимая песня о гибели отряда за революцию. Это уже тема гражданской войны:

Под тяжким разрывом гремучих гранат
Отряд коммунаров сражался.
Под натиском белых наемных солдат
В засаду жестоко попался.

Далее пленных красных заставляют перейти на сторону белых, те отказываются, их заставляют рыть для себя же яму – братскую могилу. Навстречу им вышел старик генерал:

Спасибо за вашу работу.
Вы землю просили, я землю вам дал,
А волю на небе найдете

Последний куплет звучал примерно так:

Мы сами копали могилу свою
Готова глубокая яма.
Пред нею стоим мы на самом краю,
Стреляйте смелее и прямо.

Много пели мы и о каком-то защитнике бедняков атамане Чуркине, но, кроме последнего куплета, ничего больше не помню, хотя песня была трогательная и длинная:

Носилки не простые
Из ружей сложены,

А поперек стальные
Мечи положены.
На них лежит сам Чуркин,
Сам Чуркин атаман...

Сейчас, когда так много и молодых, и старых людей обращаются к Богу, к старым традициям и обрядам, я абсолютно не готов к тому, чтобы верить в приметы, загробную жизнь, гадания и т. п. Не верю и в существование некоей высшей силы или в Бога. Уж так повелось у нас в доме, до самых последних лет жизни родителей. По-моему, покойная Лена в этом отношении полностью походила на меня. Правда, когда я был достаточно маленьким, ну около 5-ти лет, Мария Ивановна пыталась меня учить молиться вечером перед сном. Я становился в своей кровати, в ночной рубашке на коленки, как-то складывал руки и говорил что-то о здоровье для мамы, папы, Лены, родных и мог обращаться к Богу со своими пожеланиями. Например, так: «Пошли мне Боже...» А что мне было желать? Вроде все уже было и так, а не хватало одного – вожжей, как у кучера Ивана, чтобы играть в лошадки по настоящему, а не с веревочкой. Какое-то время утром я просыпался с надеждой, что обнаружу на кровати вожделенные вожжи, а их все не было и не было. И я перестал молиться, а Мария Ивановна перестала заставлять меня молиться, может, родители ей что-нибудь сказали, но эти слабые попытки религиозного воспитания больше не повторялись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.